

Снова — в Большом

Вячеслав ГОРДЕЕВ:

Просто сказать им было нечего

С первого взгляда Вячеслав Гордеев больше напоминает романтического принца, чем художественного руководителя балетной труппы Большого театра. Но это — до первых его слов. Говорит Гордеев уверенно, убедительно, даже жестко. И при этом умеет совершенно обворожительно улыбаться — так, что невозможно не улыбнуться в ответ...

Десять лет назад он возглавил «Русский балет» и из маленького неизвестного коллектива создал труппу с мировым именем. А теперь Владимир Васильев поставил перед ним еще одну задачу: реанимировать балет Большого театра...

— Вячеслав Михайлович, говорят, что власть не лучшим образом сказывается на людях искусства. Вас это не пугает?

— Но я ведь и раньше обладал властью — как руководитель театра «Русский балет». Руководство балетом (так же как, например, хором или оркестром) — это всегда навязывание своей точки зрения, это всегда власть, но без этого художник не может проявить себя. Как балетмейстер, я воплощаю свои замыслы через танцов. И в этом смысле в какой-то мере уже являюсь диктатором.

— Чем вам сейчас больше приходится заниматься — творческой работой или административной?

— На данном этапе — административной. Разрабатываю репертуарный план, занимаюсь утверждением на роли, репетиционным графиком и так далее. Заставляю артистов работать на том уровне, на котором они не привыкли... Но это лишь отчасти административная деятельность, творческого в ней тоже достаточно.

— Месяц назад состоялось ваше представление труппе Большого. Что изменилось с тех пор?

— Подготовительный период в моей работе закончен. Теперь я всех артистов знаю в лицо и по именам. Что касается труппы в целом, то я составил график ее работы на год вперед. Уже предпринял кое-какие меры в отношении артистов. Сделал, например, ежедневные занятия в классах обязательными.

— А что, раньше посещение было свободным?

— Классы были обязательными всегда, но об этом либо не знали, либо не принимали этого во внимание. На занятия ходили — по желанию. К моменту моего прихода в театр ситуация была такая: каждый из семи существующих классов посещали от пяти до тринадцати человек. Даже если считать по максимуму (тринадцать умножить на семь), то получается, что больше половины труппы в классах не занималась.

— Бытовые проблемы артистов решаете тоже вы?

— Конечно. Кому-то, например, не предоставили общежитие, хотя он имеет на это право. Приходится выяснять. Кому-то зарплату не повысили, а обещали. Или партию не дают в спектакле...

— А увольнять будете?

— Пока еще никто не уволен — но только пока. Увольнения будут к концу сезона, потому что не все артисты соответствуют уровню Большого театра. К счастью, они сами это понимают, так что, думаю, в девяноста случаях из ста уходить будут по собственному желанию, без обид и без скандалов.

— Как артисты восприняли ваше назначение на должность художественного руководителя? Вы не ощущаете на себе тяжесть недоброжелательных взглядов?

— Обычно я очень хорошо чувствую поле вокруг себя — насколько оно черно. Не могу сказать, что сейчас мне дискомфортно, хотя поначалу ощущалась некая напряженность.

— А во время вашего представления труппе мне показалось, что артисты несколько напуганы вашим приходом в театр...

— Дело не в страхе. Просто не всем было приятно слышать в свой адрес нелестные вещи. Да я сказал им об их распушенности, о плохой дисциплине, о внешнем виде, но я ничего не придумал. Это был взгляд со стороны. А то, что меня никто не опроверг, еще раз доказывает мою правоту. Просто сказать им было нечего.

— Они приняли ваши слова к сведению?

— Девочки действительно теперь выглядят, как фотомодели — приятно посмотреть. Да и у ребят в этом отношении тоже произошли кое-какие сдвиги. Хотя вид у некоторых по-прежнему не особенно эстетичный. Я думаю, что не следует ходить на занятия в рваных майках, небритыми и лохматыми. Тем более, когда занятия проходят с девочками. Если уж ты идешь в женский класс, то стоит не только побриться, но и поодколонтиться...

— Вам хотелось бы что-то изменить в отношениях между артистами?

— Я бы хотел, чтобы в них было больше доброжелательности. Мы ведь не в Канзас-сити прошлого века живем, где всем хочется поскорее друг друга перестрелять, правда? Лично мне приятно увидеть с утра улыбку, а не перекошенное лицо...

— Вы, кажется, говорили, что не любите, когда артисты... увлекаются спиртными напитками. Теперь для них это табу?

— Я не против того, чтобы люди выпивали. Я против того, чтобы они уходили в запой. Сейчас в театре есть несколько человек, которые не появляются на занятиях неделями по причине своих пагубных пристрастий. Это мешает нам нормально работать, а раз так, то ничего подобного быть не должно.

— О дисциплине в «Русском балете» ходят легенды. Вы стремитесь перенести в Большой то, чего уже добились от артистов своей труппы?

— Я так думаю, что Васильев все-таки не случайно меня пригласил. Он, видимо, исходил из того, что я смог сделать в «Русском балете». А там есть не только дисциплина, но еще и самозабвенность, с которой артисты работают. Часто они выходят на сцену большими, хотя я и прошу их этого не делать. И они получают моральное удовлетворение от того, что работают на все сто... Мне бы хотелось привить это артистам Большого театра. Пока что подобная самоотдача им не свойственна, но ведь и творческая жизнь многим из них не знакома. Они не были востребованы театром в той мере, в какой этого заслуживали. И радовались они не от того, что выходили на сцену, а от того, что им наконец-то разрешили станцевать партию...

— А как вы планируете распределять партии?

— Я считаю, что если танцовщик достиг определенного профессионального уровня и готов к исполнению партии, он должен ее получить.

— Вам не кажется, что вы разбрасываетесь, совмещая работу в Большом театре и в «Русском балете»?

— Сейчас я практически не совмещаю: я все время в Большом. В свою труппу удастся лишь изредка наведываться. Мои обязанности там взял на себя педагог Виктор Барыкин — это хорошая и полноценная замена.

— А не получится так, что со временем вы оставите свою труппу и будете заниматься только Большим театром?

— Сейчас я не загадываю. Но мне бы очень не хотелось расставаться с «Русским балетом»: все-таки это мое самое любимое детище...

— Юбилейный вечер вашей труппы пройдет на сцене Большого?

— Да, это будет 21 мая. В первом отделении мы покажем классику. Второе отделение отдаю моим номерам. Я сам станцую «Пятую сонату Баха». Это будет моим неофициальным прощанием со сценой Большого театра. Я решил, что при занимаемой мною должности сам я ни в театре, ни на его гастролях выступать не должен.

— За месяц вашей работы в Большом театре у вас никогда не возникало ощущения, что реанимировать его невозможно?

— Никогда. Даже в «Русском балете» мне труднее было начинать, потому что надо было возводить здание на пустом месте. Большой театр — это уже возведенное здание — прочное и красивое. Оно нуждается только в реставрации. И все получится, если люди, которые пришли сейчас работать в Большой театр, употребят все свои силы, энергию, опыт и мастерство на его возрождение... А такого потенциала, как в Большом, нет ни у одного театра в мире.

Лариса ХАВКИНА
Фото Ларисы ПЕДЕНЧУК